

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

MONGOLICA-VII

посвящается 100-летию со дня рождения Д. Нацагдорджа
(монг. Д. Нацагдорж)

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2007

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Редакционная коллегия:
И. В. Кульганек (председатель), *Л. Г. Скородумова*, *Н. С. Яхонтова*

Проект реализован при финансовой поддержке Правительства Санкт-Петербурга

Монголика-VII: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. — 144 с.

Сборник посвящен 100-летию со дня рождения Дашдоржийна Нацагдорджа (монг. Дашдоржийн Нацагдорж) (1906—1937) — выдающегося монгольского поэта, драматурга, писателя, переводчика, общественного деятеля, одного из самых образованных людей Монголии своего времени. Значение творчества Д. Нацагдорджа для культуры Монголии неосенимо. Его по праву можно назвать основоположником новой национальной реалистической литературы, воедино связавшим в своем творчестве фольклорные традиции и авторское литературное новаторство.

Основными авторами сборника являются преимущественно ученые петербургской школы, хотя многие из них работают в настоящее время, помимо Санкт-Петербурга, в научных центрах Москвы, Бурятии, Калмыкии, где сосредоточена отечественная монголистика.

Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгольязычных народов существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

«Монголика-VII» имеет 7 разделов — «Литературоведение и фольклористика», «Историография и источниковедение», «Научные архивы востоковедов», «Наши переводы», «Новости научной жизни», «Рецензии», мемориальная часть сборника посвящена научному и художественному наследию Д. Нацагдорджа.

Сборник статей рассчитан на специалистов-монголоведов, историков науки, культурологов и всех, интересующихся историей России и Центральной Азии.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-360-8

9 785858 033608

© Петербургское Востоковедение, 2007

© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН

Зарегистрированная торговая марка

Содержание

Предисловие	5
К. Н. Яцковская	Из рода «хранителей тайны огня»	10
Л. К. Герасимович	Еще раз о рассказе Д. Нацагдорджа «Слезы ламы»	20
Л. Г. Скородумова	Мифопоэтическая концепция в творчестве Д. Нацагдоржа (Опыт реконструкции текста)	23
Л. С. Дампилова	Д. Нацагдордж и современная монголоязычная поэзия	32
Литературоведение, фольклористика		
М. П. Петрова	Поэтика постмодернизма в романе Г. Аюрзаны «Долг в десять снов»	35
Б. С. Дугаров	Образ Хормусты в монгольской эпической традиции	37
К. А. Эдлеева	Жанрово-композиционное своеобразие магтала	41
Д. А. Николаева	Генезис мифоритуальных аспектов кругового танца «ёхор» у западных бурят	46
Д. Нансалма	Одежда монголов	54
Историография и источниковедение		
Е. И. Кычанов	Отголоски сюжета об «избиении младенцев» в рассказах о предках Чингис-хана	57
Н. А. Лифанов	Род Тайчжиуд и начало монгольской государственности	59
А. Г. Юрченко	Кумысная церемония при дворе Бату-хана	62
Ю. И. Дробышев	Экологические сюжеты в средневековом монгольском законодательстве	71
В. Л. Успенский	Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Санкт-Петербургский университет от А. В. Попова	83
Научные архивы востоковедов		
	Из воспоминаний М. И. Клягиной-Кондратьевой	87
	Письма А. Д. Симукова к П. К. Козлову и Е. В. Козловой	102
Наши переводы		
	Из поэзии Д. Нацагдорджа	110
Ц. Тумэнбаяр	Уральская рябинушка	112
	Из современной монгольской прозы	114
Новости научной жизни		
	Конференция, посвященная Агвану Доржиеву (Санкт-Петербург, Россия)	120
	Конференция, посвященная эпосу «Джангар» (Урумчи, Китай)	123
Обзоры и рецензии		
	Обзор изданий на русском языке по монголоведению за 2006—2007 годы	126
	Рецензии	133
Некролог	138
Summary	140

Из поэзии Д. Нацагдорджа

Моя Родина

Хэнтэй, Хангай, Саяны — выси прекрасных гор,
Хвойный таежный север — темный хребтов убор,
Мэнэн, Шарга, Номин — гобийских пустынь простор,
С юга — моря барханов, их не охватит взор.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Керулена, Онона, Толы прозрачная глубина,
Ключей журчащая влага, живительная волна,
Хубсугул, Увсунур, Буирнур — глубокая голубизна
Поит людей и животных, зачерпнутая со дна.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Бурлят красавицы-реки Орхон, Хохий, Селенга,
Богатые рудами недра, холмы, перевалы, луга.
Былых городов руины — память о них долга,
Бегут дороги, уводят на дальние берега.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Снегами высокие горы сверкают издалика,
Синий край небосвода — над гладью солончака,
Сурово смотрят утесы, глядят ледники свысока,
Сладко душа вздохнула — степи и облака...
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

От Хангая до пустыни — Халхи простор кочевой,
Изъезженный весь с годами, изведанный с детства мной.
На плоскогорьях длинных — охотников трудный лов,
А в золотых долинах — гонка лихих скакунов.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Сочные, нежные травы, которые ветер гнет,
Сиянье, слепящее очи, миражей круговорот.
Собрание мужей, пришедших, чтобы воздать почет
Священным, словно Сумэру, обо крутых высот.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Ходит на пастбищах пышных ветер, траву шевеля.
Холмами, как частой сетью, вся покрыта земля,
Удобная для кочевья, в несметных волнах ковыля.
Пять разновидностей злаков усеяли эти поля.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Предки на крутосклонах, как в колыбелях, лежат.
Страна, что детей и внуков растила средь горных гряд.
Пять видов скота пасется, и нет приволью конца.
Страна, влекущая вечно монгольские наши сердца.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Страна, покрытая снегом в зимние холода,
Сияющая хрусталем, манящая блеском льда.
Летом в цветах и травах — вся она, как всегда,
Стремятся певчие птицы из дальних краев сюда.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Клады страны первозданной Алтай стерегут и Хинган.
Край, что отцами завещан, в наследство предками дан,
В лучах золотого солнца мирно и стойко живет,
В серебряном лунном свете блещет века напролет.
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Страна моя! Хунну, сюнну помнящая времена,
В годы синих монголов могущественная страна.
Родина — год от года сильнее влечет она,
Монголия знаменем красным ныне осенена!
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Отчизна, земля любимая, где мы родились и росли,
Если придет захватчик — прогоним с родной земли
Создадим Республику в стране, что дана судьбой,
Сверши для грядущего подвиг высокий свой!
Это — земля родная, Монголия — дивный край!

Перевод М. И. Синельникова

Звезда

Вновь ко мне издалика звёздный свет летит прекрасный!
Веер странствий направляет лучезарный ветер красный!
Видно, жаром этим Солнце опалило Марсу тело!
Я давно с таким соседом познакомиться хотела.

Что за люди и природа с этим телом обитают?
Что у них цветы, деревья, горы, воду составляет?
По обычаю какому дом родной тобой устроен?
В нём порядок любишь, милый, — и поэтому спокоен?

Что за мой особый свет Марс оттуда наблюдает?
Что меня зовут Землёю — разве он про это знает?
Ты зажёг любовь земную, а огня не добавляешь!
Почему с лучами света мне вестей не посылаешь?

Взор сюда из тишины, благородный Марс, бросаешь!
Что хорошего во мне — ты ещё узнать мечтаешь?
Мои глаза давно с надеждою любуются тобою.
Я быстро, милый, соберусь. Ты приходи за мною!

Перевод С. Евстафьева
Подстрочник Д. Носова

Первый снег

Когда зимою месяц первый начало холода встречает,
То в юртах старики тепло огня хранят.
Когда к вершинам тёплых гор пурга и мгла летят,
То с думой о любимых молодёжь мечтает.

Когда сиянье молодой Луны тот первый снег скрывает,
То мысли любящих к фантазиям спешат.
Когда подошвы мокрые опять на снег ворчат,
То шёпот милых о мечтах тропу им освещает.

Когда злой ветер крутит снег, да и мороз крепчает,
То юные сердца на холоде кипят.
Когда с высот созвездия лампадами горят,
То зеркальце от ближнего двора мне лучик посылает.

Перевод С. Евстафьева
Подстрочник Н. Ямпольской

Тайная любовь

Как только мы в толпе встречаемся,
То кругом с тревогою словно озираемся.
И какая здесь любовь — на одно мгновение?
Кому дело до её тайного свечения?

Но память нам дарит ту встречу случайную,
Где мы исполняем желания тайные!
А робкий цветочек в лесу от смущения
Лишь улыбается в это мгновение...

Единственный миг этот — не забывается!
Тысячекратно во снах вспоминается...
«Где и когда было чудное, тайное?» —
Терзают два сердца вопросы печальные.

И, вечно несчастные и несвободные,
Оба страдают и, будто голодные,
Любви своей памятной кровью питаются,
И снами подлунными тайно встречаются...

Перевод С. Евстафьева
Подстрочник О. Шалимовой

Ц. Тумэнбаяр

Монгольская писательница Цэрэнтулгын Тумэнбаяр (р. 1959) начала свой творческий путь в середине 70-х гг. XX в. На страницах монгольской периодической печати постоянно появлялись стихотворения и поэмы, из которых впоследствии был составлен первый сборник автора «Цэцгийн суу» — «Цветочный нектар» [1]. В 1993 г. выходит её первый прозаический сборник «Удган» — «Шаманка» [2], принёсший ей известность. Следующим этапом в творчестве Ц. Тумэнбаяр стали сборники тонкой

психологической прозы «Мэргэнд буусан чоно» — «Знак Волка» [3] и «Өндгөн чулууны домог» — «Легенда о каменном яйце» [4]. В 2005 г. выходят поэтический сборник «Тэнгэрийн зүүд» — «Небесный сон» [5] и прозаический сборник «Согоо суман» — «Стрела маралихи» [6]. Во многих своих произведениях Ц. Тумэнбаяр касается темы женской судьбы. Представленный здесь рассказ «Уралын тэс мод» — «Уральская рябинушка» [7] посвящён русской женщине и её нелёгкой доле.

Литература

1. *Тумэнбаяр Ц. Цэцгийн суу*. У.-Б., 1986. 48 х.
2. *Тумэнбаяр Ц. Удган*. У.-Б., 1993. 55 х.
3. *Тумэнбаяр Ц. Мэргэнд буусан чоно*. У.-Б., 1999. 178 х.
4. *Тумэнбаяр Ц. Өндгөн чулууны домог*. У.-Б., 2001. 40 х.
5. *Тумэнбаяр Ц. Тэнгэрийн зүүд*. У.-Б., 2005. 68 х.
6. *Тумэнбаяр Ц. Согоо суман*. У.-Б., 2005. 240 х.
7. *Тумэнбаяр Ц. Уралын тэс мод*. <http://www.oloo.mn>. У.-Б., 2006.

Уральская рябинушка

Моя мать каждое утро, когда я выходила из дома с коляской, повторяла, словно попугай: «Этой сумасшедшей русской ничего не стоит запустить камнем ребёнку в голову. Будь осторожна».

Тогда мне было около десяти, и в мои обязанности входило гулять с младшим братишкой, которому к тому времени исполнилось всего полгода. Обычно я катала детскую коляску по дальней широкой Китайско-Синьцзянской улице. Там, по этой улице, и зимой и летом ходила туда-сюда одна русская женщина — в ватнике, длинной шерстяной юбке, на голове толстый вязаный платок, за плечами плоский зелёный солдатский термос. Всех прохожих она по-русски осыпала проклятьями и швыряла камни в тех, кто оказался поближе. Я очень её боялась, старалась держаться подальше и постоянно следила, как бы камень не попал в коляску.

Однажды я увидела, как она стоит, опершись на придорожную осину, и что-то напевает. Она была спокойна, поэтому я подошла с коляской, зачарованная тихой незнакомой мелодией. Заметив меня, она сказала: «Что ты смотришь?» — и, оттолкнув коляску, со всех ног бросилась прочь. Я очень хотела узнать, откуда в наших краях появилась эта русская женщина, не знающая ни одного слова по-монгольски, по-

чему каждое утро она ходит по улице, проклиная всех и вся и швыряет вслед прохожим камни.

* * *

Девушка Наташа в венке из цветов рябины на золотистых волосах пришла к милому на свидание. Русские девушки считают рябину символом любви, а неосыпавшиеся красные ягоды зимой, на морозе, приобретают необычный терпкий вкус. Летними вечерами в деревнях молодёжь танцует под баян и поёт задушевные песни про любовь. Какой же прекрасной, весёлой была юность Наташи! С Ваней они поженились, родился сынок Серёженька. Двадцать лет промчались как одно мгновение. Сыну уже исполнилось семнадцать. Наталья с нежностью и лёгкой грустью вспоминала прошедшую молодость. Но однажды летним днём всё задохнулось в горьком дыму войны. На фронт Наталья проводила разом и мужа и сына.

— Ничего, Наташка, будет и на нашей улице праздник, — говорил, прощаясь, Иван. А она снова и снова целовала сына, не ведая, суждено ли им ещё раз увидеться на этом свете. И когда стояла, вся в слезах, обнимая сына, у неё возникло какое-то

странное предчувствие. Деревенские бабы, проводив мужиков, постепенно притерпелись к всеобщей скорби. Спасала работа — тяжкая, от зари до зари. Издалека слышались глухие раскаты войны. Тянулись долгие хмурые дни. Всей деревней с нетерпением ждали почтальона, заезжавшего в их глухомань раз в неделю. Редко, но всё же получала весточки и Наталья. И вот однажды, уже после того как сына перевели на Восточный фронт, из Монголии, где он сражался на реке Халхин-гол против японцев, пришло письмо: «Мама, держись. Наш отец был настоящим героем. Мне очень горько. Но я горжусь отцом... Он не вернётся, но я вернусь. Обещаю. Скоро война кончится». Слова из письма сына Наталья запомнила наизусть. Все её братья и родственники погибли. Остался один Серёжа. Днём и ночью Наталья молилась, прося у Бога лишь одного — чтобы единственный сын вернулся с войны живым. Каждый раз в ожидании телеги почтальона она со страхом думала: «Что за письмо придёт?» Ноги и руки дрожали, по телу пробегали мурашки. Радостная весть об окончании войны пришла светлым весенним утром. Наталья радовалась вместе со всеми, то смеясь, то плача: «Слава Богу, слава Богу! Теперь и сынок вернётся живой и здоровый». Но писем от сына больше не приходило, и в душу матери снова закрался страх. С тревогой и опасением ждала она нового удара. И вот пришло письмо, которого она так ждала и так боялась. На конверте чужим, незнакомым почерком было выведено: «Наталье». Она дрожащими руками взяла письмо, пальцы не слушались, конверт не раскрывался, пришлось разорвать его сверху. Наталья быстро пробежала строчки глазами. «Ваш сын тяжело ранен. Он доставлен в военный госпиталь в Улан-Баторе», — прочла она. Дальше всё поплыло перед её глазами, письмо выпало из рук. Губы шептали од-

но: «Сынок... кровинка моя. Ты жив, жив. Мама придет. Мама может спасти». Она собралась быстро, без колебаний. Не успев даже попросить соседей присматривать за домом, она вместе с воинским эшелонотом отправилась в незнакомую страну Монголию. Единственной целью было застать сына в живых. Без него ей незачем было жить на этом свете. Почти месяц, разными путями, несмотря на зимнюю стужу, Наталья добиралась до монгольской столицы. Наконец нашла тот госпиталь, где, тяжело раненный, лежал её сын. На какой-то дальней китайской улочке сняла у людей комнатёнку, но днём и ночью находилась в палате у сына. Однажды рано утром она, как всегда, вскипятила воды, налила в плоский солдатский термос и отправилась в госпиталь. Тело сына было уже с головой накрыто одеялом. Наталья закричала в голос: «Нет, нет, сынок... Ты не должен умереть» — и упала без чувств. Её подняли, насильно оттащили от тела.

С тех пор минуло тридцать лет. И все эти тридцать лет каждое утро Наталья вставала на рассвете, кипятила воду, наливала её в старый зелёный термос и отправлялась в госпиталь, приговаривая: «Губки у сыночка пересохли. Надо горяченького принести». Встретившимся по дороге военным она кричала по-русски: «Отдайте моего сына, отдайте моего сына!»

В один прекрасный день сумасшедшая русская вдруг исчезла. Говорили, что она умерла в том месте, где был похоронен её сын. Я же до сих пор, услышав русскую песню «Уральская рябинушка», вспоминаю русскую женщину, мать, что в поисках сына приехала с далёкого Урала и умерла в наших краях.

Улан-Батор, 2006 г.

Введение и перевод с монгольского
М. П. Петровой

Из современной монгольской прозы

Жанр короткого рассказа

В последнее время жанр короткого рассказа завоевывает все более прочные позиции в монгольской литературе.

Сжатая форма повествования требует отточенности стиля, емкости слога. Афористичность, ассоциативность, присущие короткому рассказу, сближают его с поэзией. Лирическую миниатюру часто называют поэзией в прозе. Действительно, жанр короткого рассказа не ограничивает свободу выражения мысли и одновременно окрашен музыкой поэтического слова, способного передать мгновение в ощущении действительности.

Короткий рассказ — не новый жанр в монгольской литературе. В истории монгольской словесности был известен жанр «посольских слов»: в средневековой традиции существовал обычай устной передачи информации через послов, курьеров, которые обязаны были запоминать текст послания. Сохраняя фабульную достоверность событий, посол вносил свое индивидуальное видение, интерпретируя сообщение, насколько ему позволял талант рассказчика. Умение рассказывать, сказывать о каком-то случае из жизни и привело к рождению современного жанра «рассказ».

Современный короткий рассказ очень разнообразен по содержанию — это и короткие сюжетные рассказы-былички, и притчи, и лирическая миниатюра, либо содержащая философскую сентенцию, либо представляющая собой пейзажную зарисовку.

Короткий жанр афористической прозы сегодня продолжает традиции лирического рассказа, созданного в 20-е гг. Д. Нацагдорджем.

Авторы коротких рассказов и миниатюр, представленных здесь, известные современные монгольские писатели, принадлежащие примерно к одному поколению, внесли весомый вклад в развитие жанра. Каждый из них обладает индивидуальным неповторимым рисунком письма.

Очирбатын Дашбалбар (1957—1999) — выпускник Литературного института им. М. Горького — автор десятка поэтических сборников, прожил яркую жизнь пламенного поэта и пуб-

личного политика бурных 90-х гг. Оставил яркий след в литературе и образ гуманиста и борца за справедливость в памяти соотечественников.

Джагдалын Лхагва (1942—1997) — опытный мастер рассказа. Среди читателей пользовались большой популярностью его сборник рассказов «Верблюдица кричит за холмами» и миниатюры «Камешки на ладони».

Дарамын Батбаяр (р. 1941), лауреат Государственной премии, признанный мастер прозы, один из немногих действующих ныне драматургов. Во всех произведениях Д. Батбаяра, будь то короткий роман «Мemento» или социально-бытовая повесть «Скачущая антилопа», неизменно заключено размышление о высшем смысле человеческого бытия. Философская мысль требует крылатых слов, лапидарности, быть может поэтому писатель все чаще в последнее время обращается к форме афоризма, короткой притчи.

Творчество **Балджирын Догмида** (р. 1945), уроженца восточногобийского аймака, лауреата Государственной премии, отличается тонким лиризмом, его героями чаще всего становятся мужественные, неунывающие сельские жители гобийских мест.

Творчество известного прозаика, поэта, драматурга **Дамдинсүрэнгийн Урянхай** (р. 1940) многогранно. В последних своих книгах он пытается сформулировать собственную философскую концепцию («бодь сэтгэл»). С манифестами против безнравственных поступков Д. Урянхай через прессу регулярно обращается к соотечественникам.

Свое первое произведение — «Повесть грозových лет» тувинец (урянхаец) по национальности **Чинагийн Галсан** (р. 1942) написал на немецком языке после окончания Гумбольдтского университета. Опубликовал в Германии и Швейцарии около двух десятков книг поэзии и прозы. Его творчество высоко оценивает Э. Шриттматер.

Голоса этих писателей слышны в хоре монгольской литературы, которая ныне продолжает успешно развиваться, постигая новые и новые вершины художественного мастерства.

Д. Батбаяр

Караван

Жизнь — это караван. Ускоришь шаг — и обязательно наступишь на пятки впереди идущему. За-мешкаешься — тогда тебе наступит идущий следом.

Чтобы не спотыкаться о переднего и не за-держивать следующего, надо идти размеренным ровным шагом. Не останавливаясь, все время идти вперед. Этому можно поучиться у верблюдов, мерно идущих караванной тропой.

Д. Урянхай

Среда обитания

Солнечный луч рассыпался мириадами кристаллов, и хрустальные брызги засверкали на луговых цветах и травах. Напитавшаяся зеленым соком травы, неотличимая от нее тоненькая гусеница неспоро ползет по листу папоротника, то складывая свое, похожее на стебелек цветка, тело, то вытягиваясь в ниточку.

Неутомимый кузнечик скачет рядом по верхушкам травинок, стрекочет с утра до вечера, задевая своими крылышками траву и стирая застывшие звездочки — круглые капельки росы. Вот он сверкнул в воздухе, будто зажженная спичка, и снова принялся петь свою песню.

Гусеница ощупывает стебель папоротника, воздух вокруг, проверяет ближнее пространство, такое же зеленое, как трава и лист, потом опять льнет к листу, сливается с его зеленью, тащится, ползет дальше — только судорога пробегает по тельцу. Словно маленький зверек, встав на хвост, вытянулась, подняв вверх зеленую головку. Замерла, чутко прислушиваясь к голосам грешной земли. Убедившись, что все в порядке, и успокоившись, она снова двинулась дальше, заторопилась к вершине папоротника, распластавшись всем телом вдоль листа.

«Куда ты, глупая, торопишься?» — улыбнулся я про себя. Мне было смешно глядеть на суетливые, бестолковые движения маленького существа, но потом я одернул себя: «Над чем смеешься?.. Разве тебе дано знать, в чем смысл бытия, где начинается и где кончается разум природы?»

На расстоянии двух пальцев от папоротника в дремотном забытии склонился лист лапчатки. Утром он намок от росы, а теперь среди небесной пустоты и безмолвия, то ли впад в меланхолию, то ли тоскуя от одиночества, он нервно вздрагивает. Точно как ушко маленькой антилопы, трепещущей от страха и тревожных предчувствий.

Порывы ветра расшевелили папоротник и лапчатку, они приветливо зашуршали, ластая друг к другу, как два заблудившихся зайчонка, что радостно принохиваются мордочками. А ветер все раскачивает и раскачивает головки трав. Запутавшиеся в объятиях папоротник и лапчатка подрагивают, словно ушки ягненка, резвящегося по весне в загоне молдняка. Но вот ветер стихает. И снова папоротник и лапчатка застывают в блаженном спокойствии.

Вцепившись хвостом в макушку папоротника и дотянувшись головкой до лапчатки, гусеница соединила их — живой мост для двух влюбленных, вечно жаждущих встречи, она подарила им счастье нового свидания.

При виде этой картины я вдруг перестал ощущать разницу между махонькой нежной зеленой гусеницей и колоссом вселенских масштабов. Меня поразила равноценность несравнимого — ничтожного и великого.

Гусеница переползла с папоротника на лист лапчатки и остановилась, как бы отдыхая от трудного перехода. То сжимая, то разжимая свое, не больше фаланги мизинца, тельце, ты упорно, дюйм за дюймом преодолеваешь бескрайнюю даль, стремясь к своей цели. Пока не наступят холода, ты будешь безропотно нести свой крест. Я бы не взялся утверждать, чей путь более долог и тернист, велик и чудотворен, — тот путь, который ты преодолеваешь за одно сокращение своего крошечного тельца, или путь, который проходит наша земля, обходя вокруг солнца.

Недолго гусеница оставалась недвижима. Вот она вцепилась в ребристый край лапчатки, взвилась, подставляя тело солнечным лучам, поворачивая в разные стороны свою бирюзовую головку, потом наклонилась вперед и снова принялась осторожно, на ощупь, исследовать незнакомую, неуловимую пустоту небесной сини. Нашупав наконец край папоротника, гусеница снова перебралась на него, начала карабкаться вверх. На всей бескрайней земле бедняжка владеет лишь этим кусочком тверди — листом папоротника. Прицепилась к нему и ползет, неугомонная, все выше и выше, но дальше нет пути. Какая цель влечет ее, что ждет там наверху, — неизвестно. Вот она и на вершине — головка уперлась в пустоту — лист кончился, дальше пути нет, здесь предел ее жизненного пространства, здесь кончается ее земля, где она обречена жить, здесь ее удел.

..Гусеница подняла яркую головку, растерянно повертела ею и, не найдя другой травинки или цветка, никакой опоры, чтобы двигаться дальше, застыла в нерешительности. Сколько можно так стоять? Что с нею будет? Либо неумолимое время превратит замершую без движения гусеницу в прах, развеет ее по ветру, либо та сама начнет искать спасение на земле — поползет вниз, а может, расслабитесь, кинет свое тело на землю, а там начнет искать новый стебель, новую травинку.

Через мгновение гусеница освободилась от оцепенения и, в самом деле, поползла вниз вдоль стебля, собирая свое тело в морщинки, а затем вытягиваясь ниточкой.

С осторожностью слепого она в который раз ткнулась в знойный густо пахнущий солнцем воздух, покрутилась и спиралью ввинтилась в щель скрученного трубочкой листа, высунулась из него, будто травинка, пробившаяся сквозь асфальт.

Гусеница впиалась в одну точку папоротника и так замерла. Теперь она походила на готовую взмыть в звездные дали ракету.

Я увлеченно следил, долго ли она сможет удерживать свое тело в таком положении. Она была неподвижна, а я все смотрел и смотрел. У меня первого кончалось терпение. Раздосадованный, рассердившись на неразумного червя, я перевел взгляд на небо. Солнце высоко, на западном горизонте собрались белые кучевые облака. И там, едва заметный еще, показался бледный серп молодого месяца. Будто гигантский бык уперся рогами в небосвод.

Некоторое время я лежал, глядя на мерцавший месяц, — он то мелькнет, то исчезнет, ослепленный солнцем. Я снова наклонился над папоротником, ища глазами свою гусеницу. Но она исчезла. До рези в глазах осматривал я все травинки-былинки, но ее и след простыл.

Я увидел, как солнце, прорезав облака, вознеслось в зенит. На листьях и цветах так и не высохла роса, и на каждом лепестке, каждой травинке блестят капельки, жарко пламенеют под яркими лучами солнца, обжигая взгляд. Касаешься кончиками пальцев влажных лепестков, будто вытираешь слезинку ребенка.

Солнце озарило искристым светом вершины гор, травы, цветы, крылья птиц. И нет ни начала, ни конца этому царству света, живому миру. Хочется обнять его — в душе поселилась радость бытия и жажда познания.

Ч. Галсан

Жизнь

Итак, сегодня последний звонок, сегодня начинается жизнь, — с волнением подумала утром Эвийма. Родители, учителя, друзья — все наперебой твердили ей об этом. Вдруг закралось сомнение: «Значит, предыдущие годы — это была не жизнь?» Всегда ее считали послушной, трудолюбивой, усидчивой, доброй девочкой, и она радовалась похвале.

Праздник последнего звонка позади, а долгожданная прекрасная новая будущая жизнь не наступала. Парни, как всегда, хулиганили, девчонки, как всегда, кокетничали, учителя, как всегда, наставляли — все было как всегда — кого-то журили, кого-то хвалили. Ничего не изменилось. Еще ни одна любовная записка не обожгла ее ладонь, и ни от кого даже самого ничтожного подарка она не получила. Из нескончаемого потока черных машин, мчащихся по улице, ни одна не остановилась, чтобы пригласить ее. Проходя мимо спецмагазина, Эвийма заметила дородную женщину, охранявшую вход — одним она низко кланялась, приглашая войти, других прогоняла. Все как всегда.

Она выстаивала в магазинах очереди за мясом, молоком, потом бежала домой, мыла полы, готовила обеды, варила чай и, справившись с домашними заботами, садилась готовиться к экзаменам. В ушах не умолкал голос учителя: «Наступает решающий час». Да, сейчас судьба решается. Пока не сдала экзамены, разве придет новая жизнь? — успокаивала себя Эвийма.

Экзамены позади, в кармане аттестат об окончании школы. Но странно, все осталось по-прежнему, никаких изменений в своей жизни она не ощутила. Тут оказалось, что впереди новая забота — вступительные экзамены в институт. Ясно, что Жизнь потом начнется. Экзамены-то она сдала, но баллов не хватило. Пошла работать. Медсестрой. Про себя решила не оставлять надежду, она все равно поступит, должна поступить. Настоящая Жизнь впереди.

Один больной написал ей письмо. Признался, что покорен ее добротой и нежностью. Письмо не принесло ни радости ни горечи. Равнодушно отказала ему. Больше он не писал, вскоре поправился и выписался домой. Однажды пришел к ней с просьбой сделать укол больному отцу. Как в таком деле откажешь? Она увидела старого человека, измученного смертельным недугом. Единственное, что было в силах медицины, — снять боль на время. Старый больной хвалил ее руки. Жалея его, она каждый день приходила делать уколы. Через месяц отец скончался. Как сын плакал! Конечно — ведь он был самым младшим, любимым сыном в семье. Он попросил ее остаться на похороны. Как откажешь? Пришла. Вот и поминки кончились, она собралась уходить, и вдруг слышит — в соседней комнате, запершись, рыдает младший сын. Подождала, пока он выйдет, долго утешала, как могла. Теперь можно и уходить. Но он сказал:

— Уже поздно. Остайся, переночуешь у нас.

Постелил постель на двоих.

— Как это? Нет, я пойду, — воспротивилась она.

— Да не бойся, я просто рядом посижу, не буду ложиться. В доме много народу, мест всем не хватает, — сказал он. Решила его пожалеть:

— Как же ты всю ночь будешь сидеть? Ладно уж, ложись.

Он согласился и пообещал, что будет смиренно лежать, ничего ей не сделает. Но разве можно давать такие обещания, когда вы оба молоды?

Ну и ситуация! В чужом доме, в чужой постели, в объятиях случайного человека! Горечь, обида, страх охватили ее. Так банально наступил момент, которого она столько ждала, берегла себя, готовилась! Родился ребенок. Если раньше она неустанно заботилась о родителях, младших братьях и сестрах, то теперь предстояло посвятить жизнь мужу и детям. Но она продолжала мечтать об институте и по-прежнему верила, что Жизнь еще не начиналась. Вот мечта сбылась, она поступила в институт. Однако и тогда Жизнь не началась. «Может, она начнется после института», — думала Эвийма. Наконец-то в руках диплом, ромбик на груди, но и опять ощущения начавшейся Жизни нет.

Сначала она ждала, когда освоит профессию, потом когда наладится быт, потом когда вырастут дети, внуки, когда выйдет на пенсию. Все, что она ждала, свершилось, лишь долгожданная, желанная Жизнь не приходила.

Подумаешь — так осталось только умереть. Значит, жизнь впереди — это смерть?

Б. Дашдзэвэг**Лист**

Она часто обижалась на меня. Но скоро забывала обиды и снова не отставала от меня, как осенний репей. Девчушка с лентами в волосах, как она старается придать себе вид взрослой женщины, идя рядом с мужчиной намного старше себя.

На исходе осени я был привязан к телефону, словно верблюжонок к столбу. При каждом звонке вздрагивал и покрывался потом, будто меня застали на месте преступления, уличили в измене.

По ее выражению, я — бесчувственный бронзовый истукан. Втайне от самого себя я ждал ее звонка, в душе на что-то надеясь. Сердце мое расплавилось, размягчилось. Зазвонил телефон. Я схватил трубку:

— Але.

— Да.

Дрожащий голос смолк в трубке. Сердце мое охватила тревога. Ей больно, или обидел кто-то, что случилось? Я силился разгадать ее загадку, но вот нежный голосок снова едва прорезается в трубке! Я представил ее большие черные глаза, полные слез. Девичье сердце выбрало меня на этой брэнной земле и искало защиту, просило спасти, помочь распутать клубок, подсказать единственно правильный выход. Как можно позволить разрушить эту веру?

— Что с тобой? — растерянно и в то же время строго спросил я.

С легким вздохом она произнесла:

— Ничего. Просто... хотелось услышать твой голос, я помешала?

— Нет, нет. Ты давно не звонила. Что-нибудь случилось?

У меня невольно вырвалась эти слова — видно, оттого, что я почувствовал внутреннее облегчение. Угадав мою невольную минутную слабость, спросила:

— Что делаешь?

— Чай поставил.

— Жена дома?

— Дома.

Она хотела, видимо, сказать что-то резкое, но сдержалась.

— А-а.

— Что сейчас делаешь?

— В окно смотрю.

Я не знал, что еще сказать.

— Ну... и что ты там увидел?

— Листья на деревьях дрожат от ветра, отрываются и падают.

— Еще что?

— Один листок, словно зонтик, кружится в воздухе... Ах, смотри! Он упал прямо передо мной, на балкон. Еще не пожелтел, совсем зеленый... Будто живой. Края шевелятся, вот, вот, он летит. Может, листья и правда живые?

— ... ?!

— Я сохранию его на память.

— Как знаешь. Разведись с женой.

— Что ты такое говоришь?

— Разведись с женой... Разведись. Она плохая, злая... Валяется в кровати, заставляет мужа ей чай подносить... Противно представить даже. И вообще, она тебя унижает, наверное.

— Ах, вот ты о чем подумала. Ты... еще девочка, а что вбиваешь себе в голову. Лучше уроки делай!

— Сегодня мой день рождения! Восемнадцать лет исполнилось

— Что? А-а, я тебя поздравляю, — сказал я, пытаясь скрыть растерянность.

— Спасибо. Не надо мне ничего дарить. Ты свободен? Может, пройдемся?

— Я... занят. Тогда что?

— Тогда мне придется пойти в кафе.

— С кем?

— Наш сосед, парень один, предлагает отметить мой день рождения в кафе.

— Хороший парень?

— Да так, увивается вокруг меня.

— Ну, раз ты его знаешь, хорошо. Только смотри, не поддавайся ему.

— Да уж... может, после сегодняшнего вечера перестану называться девушкой.

— ...Але, але!

Одиноким сиротливый лист колышется на ветру, будто собираясь расстаться с жизнью.

Разговор прервался. Я задрожал от отчаяния. Жена гремела на кухне посудой. У меня внутри будто что-то оборвалось. Черная тоска заволочла сердце.

Заходящее солнце в небесной вышине золотило края облаков.

О. Дашбалбар**Сыну Д. Гангабаатару**

Слышатся глухие раската далекого боя. То и дело на земле вспыхивает война, льется кровь. Пусть все это далеко от нас, тревога не покидает сердце.

Сын мой, тебе нет еще и года. При мысли о тебе у меня сердце щемит, слезы наворачиваются на глаза. Невозможно иначе, родной мой, ведь это я дал тебе жизнь, произвел на свет.

Когда ты лежал в колыбели, я светом своего сердца отгонял от тебя мрак, мое дыхание согревало тебя... Когда ты, мой сын, обнимал ручонками за шею мать, потом тянулся ко мне, брал яблоко, у меня словно солнце выросло внутри...

Мимолетная радость сменялась страхом — в этом противоречивом, пестром мире столько грязи, скверны, способной запятнать непорочное чистое существо. Иной раз ты заплачешь среди ночи, сердце мое тогда готово разорваться от боли, я прижимаю тебя к груди. А теперь волею судьбы ты — там, я — здесь.

В сумраке надвигающейся ночи сливаются очертания гор. Там, за дальними горами и перевалами, в юрте отца, возле очага предков растет мой сын, моя вера и надежда, серебряная птица моего сердца, нежное мое дитя, завладевшее моими снами.

Хочется заплакать, не знаю отчего. Сын мой, не познавший в этом мире зла, любви, горечи разлук, расстояний, лжи, клеветы, еще не узнающий своего отца, не было дня, чтобы я не думал о тебе!

Я устал от стихов, сын мой. Многие не признают во мне поэта. Я ссорился с начальством, обижался на людей так, что болело сердце. Но стихи помогли мне удержаться, я упрямо делал свое дело, не стал ни пьяницей, ни бездельником. Я люблю прозу, но не люблю длинных разговоров. Разных людей мне приходилось встречать на этой земле. Были и такие, кому бы я с удовольствием набил морду. Не удивляйся, сын мой! Помни — тот, кто не любит людей, сам хуже дикого зверя, опаснее волка! Когда вырастешь, сын, стань обоюдоострым, как кинжал!

Б. Догмид

Налоговые квитанции

Врезался в память случай из детства... В тот год мы жили на осеннем стойбище одной юртой. Как-то вечером, после ужина, мы готовились ко сну, как вдруг громко залаяла собака, будто среди кромешной темноты белого верблюда увидела. Все выбежали на улицу. Слышался топот лошадей. Вскоре в бледном мерцании луны показался человек верхом и с лошадыю на поводу. Приезжий спешился, кое-как привязал коней и торопливо зашагал к юрте. При свете фонаря я разглядел его лицо. Это был наш сомонный уртонщик Осор гуай по прозвищу Пострел.

Не успев отдышаться с дороги, Осор гуай обратился к отцу:

— Балжир, быстро одевайся, поедешь со мной. Беда случилась. Вся канцелярия второго бага¹ рассыпалась у реки Улаан худаг. Председатель бага напился в дорогу, плохо привязал документы к седлу, и они все упали на землю. Говорят, первые бумаги ветром отнесло к гобийской пустоши Бор хууврий.

Отхлебнув из чайника холодного чая, Осор гуай продолжал:

— До ночи надо еще сообщить вашим соседям. А ты бери коня и езжай следом за мной.

С этими словами он уехал.

Мой отец взял коня, не успевшего вдоволь пощипать травы, схватил попавшуюся под руку одежду и выехал следом за Осором. Я привязал собаку. Яркая осенняя луна неподвижно застыла в небе. Подумалось — может, она читает те самые бумаги, рассыпанные по берегам Улаан худаг? Было безоблачно и тихо. Издалека то и дело доносились ледяные порывы ветра.

Светлая ночь. Я представил себе разбросанные в темноте квитанции, списки, бланки, которые белеют, словно свежий мартовский снег, задержавшийся в овраге.

На другой день в сумерки отец, загнав двух коней, уставший, обросший щетиной, голодный вернулся домой.

— Ну что, нашли? — без надежды в голосе спросила мама.

Глотнув горячего чая, отец начал рассказ. В его голосе было столько горечи, сожаления, как бывает только у охотников, долго гонявшихся за волком и вот, наконец, уже настигших было серого, но снова потерявших его.

— Лошади выручили. Вчера всю ночь скакали, догоняли ветер, уносивший бумаги. Но удалось почти все собрать. Нас из бага было человек двадцать. Мы, будто зайцев, ловили эти бумажки. Обыскивали каждую кочку, каждый кустик, заглядывали в каждую ямку. Так боялись, что бумаги унесет ветром, что едва дышали, шепотом разговаривали. И вдруг именно в этот момент волк как выскочит. У всех с собой длинные кнуты и легкий конь под седлом, привыкший к охоте. Но никому и в голову не пришло бросить поиски бумаг и кинуться следом за волком. Разве можно оставить государственную службу ради облавы? Когда собрали все списки, квитанции, приехали в контору — проверили, оказалось, что не хватает одной-единственной — нашей налоговой квитанции на скот! — виновато произнес отец, и тень набежала ему на глаза.

— Вчера ночью дул слабый северный ветер. Бумага ведь не птица. Не могла же она сама по себе улететь из Гоби, — удивилась мама.

Отец втянул в себя давно погасшую трубку и произнес:

— Да, действительно, все бумаги нашлись, одной нашей квитанции нет. Что же она, живой человек, чтобы оторваться от остальных и улететь? Странно! Если исчезла квитанция с сомонной печатью, жди беды. Как рассветет, придется опять седлать коня.

Я словно и сейчас слышу голос отца. Каждый год мы платили по пять тысяч тугриков за скот. И мой отец, потеряв квитанцию об уплате денег, переживал так, будто он потерял кошелек. Забыл еду и сон из-за злосчастной бумажки. Мне было жаль его, горько и странно думать о зависимости человека от бумаги.

Ж. Лхагва

Мы победили?

Старик Дэндэв в последние лет десять не был на дальнем городском рынке. Сегодня старуха все уши прожужжала, и он поехал купить кое-что по хозяйству. Билет в автобусе стоил 70 тугриков, входной билет на рынок — 10 тугриков, от всех денег, что дала жена на покупки, пожалуй что осталась едва ли половина.

Народу на рынке — тьма. Его сразу же зажали со всех сторон, и он вспомнил, как много лет тому назад, во время дзуда, поворачивал против ветра табун лошадей, гнал его в Гоби, а телята были зажаты лошадыми так, что не доставали ногами земли. Дэндэв едва-едва протолкался в центр рыночной

¹ Баг — административная единица.

торговли. Чего там только нет! Будто за границу попал! Остановившаяся у каждого прилавка, дивясь изобилию товаров, старик обошел рынок. И вдруг среди разложенных на столе болтов и шурупов, ржавых и нержавеющей гвоздей, всякой всячины он заметил несколько нагрудных знаков. Особенно ярко выделялась на грязно-сером прилавке медаль «За победу».

Старик участвовал в двух войнах, но медаль «За победу», видно, заблудилась в отечестве и не дошла до него. Единственную свою награду «Халхин-гол» с изображением всадника с саблей в руках он всегда носил на груди. В голове не укладывалось, что можно торговать воинскими наградами. С этой мыслью старик решил вернуться и купить медаль, если хватит денег, чтобы она не попала в плохие руки. Он с трудом протиснулся к прилавку.

— Сколько стоит?

Смуглый парень с торчащими ушами мельком взглянул на него и ничего не ответил.

Старик достал триста тугриков, протянул парню:

— Дай мне медаль, я куплю.

— За тугрики не продаю, — ответил продавец,

— А за что же продаешь?

Озадаченный старик стоял, не в силах понять, что от него хотят. Тут появились несколько человек, увешанные, словно новогодняя елка, фотоаппаратами, магнитофонами. Видно, иностранцы. Они громко разговаривали между собой, обсуждали товары.

Остановились около прилавка с наградами. Седой старик ткнул пальцем в медаль и что-то сказал. Вероятно, спрашивал, сколько стоит. Дэндэв теперь узнал японцев.

Ушастый смуглый парень, продавец, быстро показал им бумажку, где на голубом фоне была нарисована цифра «10» и извилистая линия, перечеркнутая посередине двумя палками, похожими на задвижку. Седой японец достал из кошелька десятидолларовую бумажку и взял медаль.

Другой японец, помоложе, тут же нацепил медаль себе на грудь и радостно засмеялся. У Дэндэва кольнуло в грудь, сразу заныла старая рана. Он подумал: «Ведь мы же победили в той войне». Он бормотал эти слова про себя все время, пока плотная толпа несла его к выходу. Пропало всякое желание покупать и стиральный порошок, и другое из того, что заказала жена. Он заплатил 70 тугриков за автобусный билет и поехал домой.

«Когда мы победили, они пришли к нам с белыми флагами, а теперь у них зеленые деньги, и значит, они победили?» — спрашивал сам себя Дэндэв. Он был сердит неизвестно на кого, всю дорогу злость не покидала его.

Введение и перевод с монгольского

Л. Г. Скородумовой